

Скажи мне, кто тебя вдохновляет, и я скажу, о чем ты пишешь. У Вероники Долиной — своя, особенная, на других не похожая муза. Ее силуэт мелькает в стихотворении «Няня».

Дитя замерло на пороге мира. Он велик, тревожен и пока безмятежен. В нем шумные ленты мостовых и одиноко стынущая у воды птица. Ребенок неутомимо теревит спутницу: «Няня, что это такое?» А в ответ — чуть лукавое, пророческое, даращее: «Детка, что ж это такое? Это Сретенка, Чистые пруды, твоя судьба». И всего-то три фразы произнесено, но буквально из ничего — из интонации, из обращения «детка» да патриархального «баба Груша» — возникает цельный образ женщины, мудрой, сердобольной, из тех, с кем всегда спокойно, кто поймет, утешит, согреет, чью натуру не в силах изменить даже двадцатый век. Потому через годы, хотя реальной бабы Груши давно нет, потянется к ней в темную минуту, как к свету, уже взрослая женщина, именно ее попросит: «Подожди, не уходи!» И услышит желанное: «Я побуду с тобой еще». Правда, это цитата из другого стихотворения — «Не боюсь ни беды, ни покоя». Но произведения одного пера связаны, как капилляры кровеносных сосудов.

Вот такая, не очень-то стандартная муза. Она научила Веронику многому. Бережному отношению к любой крохе, которая «носит сердце в груди». Умение без затаен, натури и ложной красоты вести речь о бытии, как о бытии, и о бытии, как о бытии. Наш слабый пол в поэзии нередко страдает комплексом неполноценности, отчасти вынужденным. И пытается разными способами отредактировать природу. Иногда лишь окончания глаголов рассекречивают родовую принадлежность автора. Ничем хорошим искусственная маскулинизация не кончается. У Вероники же божий дар прекрасно сочетается с ежедневной утренней яичницей. Ее песня не чурается женской работы: стирки, варки, нянчинья, посуды. От чего, надо заметить, только выигрывает. А лирический двойник не боится показаться на людях без грима и романтической дымки:

Вот я сутулая, чумазая, За сверстницами не поспевшая, Как юный суслик, черноглазая, Как старый ослик, поседевшая. Давай считать мое батрачество За баловство и за лихачество. Лохань стихов, лохань белья, Лихая линия моя...

В ином исполнении у подобно-го признания был бы пресный вкус жалобы или жеманства.

Здесь его нет. Выручает остренькая приправа из юмора. Чуть-чуть, на кончике ножа. Насмешливый прищур в зеркало: эх тебя, подруга, угораздило. Подкупает и отсутствие каменного алломба. Обычная современница, в белищем колесе буден и редкой эйфории праздников, утомленная, стойкая, ранимая, скептическая. И слушателям сладок этот миг узнавания самих себя, своих мыслей, неурядиц, смут, надежд, ситуаций, выраженных точно и тонко. Оттого у Вероники Долиной столько поклонниц. Я встречала их среди доцентов, маникюрш, дизайнеров, инспекторов детской комнаты милиции и даже среди членов Союза писателей. Женщина, она и на экваторе женщины. Ей позарез необходимы сочувствие и понимание. Не

барские, снисходительные, когда пьет мимоходом поохает над хозяйкой с сумками наперевес и умчит на крылатом Пегасе под облака. А сестринские, нутряные. Впрочем, обаятельное сочетание искренности и таланта действует и на сильный пол. Завороженно внимает Вероникиной гитаре публика и в элитарном зале ЦДЛ, и в тесной комнате районной библиотеки, работники которой расклеили афиши на дверях гастронома.

Известно, на пустом месте и репей не растет. Обычно поэты отсылают дотошных интервьюеров к стихам, как к самому достоверному и полному биографическому документу. Это справедливо, когда литература не хобби, а способ существования. Вот и у Вероники сквозь прозрачную ткань песни просвечивает плоть конкретной судьбы, делающая ее живой и теплой. Все сколь-нибудь значительное и су-

щественное запечатлено в кадрах строф. Мучительные мигрени детства — раннее соприкосновение с болью и волшебной властью любящих рук, перед которыми боль отступала. Сложные взаимоотношения с домашними, которых не приводила в восторг перспектива служения рифме. Вот если бы ребенок изнурил себя гаммами, или потел над головоломными задачами, или пропадал в кружке юных медиков! Это пот, это труд, это кусок хлеба, наконец. А что за профессия — сочинение песенок? Форменные блажь и дурь. Но атмосфера неприятия и неверия, при всех ее минусах, — отменная питательная среда для таланта.

Строки сохранили и первый ожог любви, и молочный, нежный запах материнства. А самое важное, что в лучших песнях всегда «тлеет точка болевая. Ее еще зовут душой». О чем бы они ни рассказывали. О московских стариках с их «авоськами», в которых болтается пучок петрушки и пакет кефира, с их бесценными шавками, забавными реликвиями и немодными романами. О художниках — благо-

И движения пальцев беглые, И руки моей положение.

Сейчас в подобных случаях, дабы никто не заподозрил сочинителя в конъюнктурщине, принято оговаривать, что вещи писаны задолго до снятия табу и запретов и томилась в ожидании своего часа в сейфах, архивах и столах. Но ведь и впрямь «Серая шейка», «Эмиграция», «Не пускайте поэта в Париж», «Как канули во тьму все алеуты» — из доперестроечного репертуара. Однако они не хранились под спудом, а исполнялись на концертах, звучали с магнитофонных лент. Потому досадно, когда в материалах о Долиной ей навязывают без вариантов ампула многолетней русалки в фартуке поверх пеньюара, с половником в одной руке и гитарой в другой. Персонаж, бесспорно, привлекательный. К тому же приятно противостоит традиционным обывательским представлениям о поэте как о существе дискомфортном и неприкаянном. Но песенный мир

«НО ТЛЕЕТ ТОЧКА БОЛЕВАЯ»

Долиной куда шире кухни и спальни. И это пора заметить.

...Веронику Долину волнуют многие проблемы. В частности, положение с авторской песней, которую она представляет и которая в течение двадцати лет играла роль отдушины, противостояла фарисейству, фальши, барабанному бою в нашей культуре. Пустели трибуны Лужников и Политехнический музей, букинистические магазины наотрез отказывались принимать поэтические сборники, а слеты Клубов самодетельной песни собирали многотысячную аудиторию. И дело не в романтических атрибутах: костер, палатка, гитара. Их эксплуатировали многие. Сердца завоевывала доверительная и доверчивая интонация, шершавая искренность.

Сегодня авторская песня легализована. Ее пропагандируют, над ней шефствует ТВ. Но, по мнению Вероники, телевидение подчас оказывает нам скверную услугу. Порой с экранов самоварное золото выдается за самородок, суррогат — за натуральный продукт. И мелькают перед глазами самозванцы с гитарой — или бьющие наотмашь по струнам и по нервам, или льющие патоку. У зрителя со вкусом создается впечатление, что легенда об авторской песне — надуманна.

Между тем авторская песня — тонкая, острая лирика с высоким социальным градусом — живет и даже молодеет. Вот лишь несколько новых имен: Михаил Щербяков, москвич, Ольга Качанова из Алма-Аты, Любовь Захарченко из Саратова, целая поросль из мниского клуба «Аллея-Ап». Экспрессивные, жесткие, нежные, по-настоящему одаренные.

Впрочем, к счастью, и сама Вероника недалеко ушла от них по лестнице времени.

Лилия ГУЩИНА.
 Фото В. Виноградова.

Стихи и музыка Вероники ДОЛИНОЙ

КОГДА Б МЫ ЖИЛИ БЕЗ ЗАТЕЙ

Когда б мы жили без затей, Я нарожала бы детей От всех, кого любила, — Всех видов и мастей.

И глядя головы птенцов, Я вспоминала б их отцов, Одиных — отцов семейства, Других — совсем юнцов.

Их не коснулась бы нужда, Междоусобная вражда — Уж слишком были б непохожи Птенцы того гнезда.

Мудрец научит дурака, Как надо жить наверняка. Дурак пускай научит брата Вкушать, как жизнь сладка.

Сестра-простушка учит прясть. Сестра-воровка учит красть. Сестра-монашка их научит Молиться, чтобы не пропасть.

Когда б я сделалась стара, Вокруг накрытого стола Всю дюжину моих потомков Однажды б собрала.

Как непохож на брата брат, Но как увидеть брата рад! И то, что этим братья схожи, — Дороже во сто крат.

Когда б мы жили без затей, Я нарожала бы детей От всех, кого любила, — Всех видов и мастей.

Иронично, умеренно